

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ
ТРУДОВАЯ КОММУНА «СКНЕМВАР»
ШАДРИНСКОГО ОКРУГА – ИСТОЧНИК
«АНТИСОВЕТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ»
(Из истории сельскохозяйственных коммун на Урале в 1920-е гг.)¹

В данной статье ставится цель проследить историю создания, особенности жизнедеятельности конкретной коммуны Уральского региона и выделить основные причины ее распада, используя сведения архивных источников. Разнообразные отчеты партийных работников дают исследователям возможность обратиться к некоторым сторонам жизни сельскохозяйственных трудовых коммун, о которых в советское время не было принято широко рассуждать. Примечательными показались автору отчеты партийных работников Н. Аввакумова (из Уралсельхозбюро) и Б. Рябова (из Предуралсельхозбюро) в обком РКП(б) о причинах конфликта и особенностях жизни одной из самых крупных и известных шадринских коммун под названием «Скнемвар». Установлено, что основными причинами создания коммуны были экономические причины, а не идеологические. Незначительное участие государства в сопровождении деятельности коммуны не позволило избежать трудностей становления и развития. Замечено, что коммунальные и коммунистические принципы жизни, декларируемые в уставе уральской коммуны, оказались слабо применимы в реальной жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сельскохозяйственная трудовая коммуна, раннесоветское общество, российское крестьянство, история Урала.

Идеи построения трудового коммунального хозяйства в Уральском регионе, включая аграрный юго-восток Пермской губернии, получили свое развитие так же, как и по всей России, уже в 1918 г., хотя и в меньших масштабах. По подсчетам В. В. Гришаева, в Пермской губернии в 1918 г. было организовано 23 сельскохозяйственные коммуны [см.: Гришаев, с. 35]. Процесс создания коммун был вызван как агитационной деятельностью большевиков, так и внутренними потребностями крестьянского хозяйства.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

В специальном обращении отдела земледелия Шадринского уездного Совета от 18 мая 1918 г., адресованном крестьянам-беднякам, говорилось: «Отбросьте напрасный страх, смело объединяйтесь в трудовые коммуны, не дайте повода вашим врагам-пессимистам говорить, что вот-де из-за нового-то закона (имеется в виду «Основной закон о социализации земли». – *О. С.*) сколько земли осталось незасеянной» [Гришаев, с. 52].

Процесс создания и деятельности сельскохозяйственных трудовых коммун был особым явлением в уральской деревне, не носившим массового характера, но охватившим наиболее инициативную часть деревни, реализовывавшую с их помощью разнообразные цели. В конце 1919 – начале 1920 г. число коммун в Уральском регионе возросло из-за необходимости преодоления хозяйственных трудностей в крестьянском хозяйстве. В этот период и была организована сельскохозяйственная трудовая коммуна «Скнемвар», о жизни и деятельности которой и пойдет речь в данной статье. Перед нами стоит задача выделить основные проблемы и трудности, с которыми она сталкивалась в процессе своего становления и развития.

Коммуна «Скнемвар» была создана 19 ноября 1919 г. в Мехонском районе Шадринского округа. Уже с самого начала своей деятельности она была замечена по причине своего названия, которое было составлено из первых букв фамилий организаторов. Согласно сведениям Ю. П. Агафонова² основателями коммуны явились Свалов Степан Павлович, Кропачев Александр Васильевич, Кондратьев Яков Артемьевич, Нелюбин Николай Иосифович, Нелюбин Семен Федорович, Ершов Константин Васильевич, Мурзин Александр Андреевич, Востряков Иван Яковлевич, Анчугов Николай Егорович и Разбойников Павел Павлович [см.: Дружба...].

Заметим, что большинство сельскохозяйственных коммун обычно использовали в своем наименовании революционную, аграрно-трудовую, географическую, а также религиозную тематику. Например, в Екатеринославской губернии в 1919 г. встречались названия коммун: «Рассвет», «Новая жизнь», «Возрождение»,

² Ю. П. Агафонов – автор книги «Колокол СКНЕМВАРа слышит Россия», вышедшей в Челябинске в 1989 г.

«Пионер», «Заря свободы», «Дружная семья», «Груд», «Набат», «Озем», «Пробуждение», «Путьком»; в Харьковской: «Борцы», «Красное знамя», «Красное поле», «Красная звезда», «Зелена ветка», «Зеленый рай второй», «Зеленое поле», «Мир», «Наука и труд», «Коммуна им. тов. Ленина»; в Черниговской: «Третий Интернационал», «Майский день», «Коммуна им. Бакунина», «Коммуна им. К. Маркса», «Раёк», «Верный путь»; в Курской: «Восходящий луч», «Воля», «Новый свет», «Светлая гора», «Общий труд» [см.: РГАЭ, д. 74, л. 1, 1 об., 5, 21–22 об.; д. 111, л. 1; д. 112, л. 15, 27, 40, 72]; в Екатеринбургской губернии в 1920–1921 гг.: «III Интернационал», «Маяк труда», «Муравейник», «Сад», «Заря», «Свобода», «Пролетарий» [см.: ЦДОСО, оп. 2, д. 148].

Названия, подобного «Скнемвару» не было нигде, что вызвало к нему повышенный интерес, в том числе со стороны руководства страны. В. А. Карпинский в газете «Правда» в 1965 г. описал разговор народного комиссара земледелия С. П. Середы с В. И. Лениным, в котором последний очень заинтересовался необычным названием уральской коммуны «Скнемвар», когда пришел ее устав на утверждение, и попросил подробно рассказать о его происхождении³. Позднее В. И. Ленин так обозначил этот процесс: «...народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно “принципы и теории”» [Ленин, с. 389].

Несомненно, придумав столь необычное название, организаторы коммуны пытались реализовать несколько задач: дистанцироваться от прошлого опыта, использовать революционную практику словообразования (использование аббревиатур в послереволюционное десятилетие было обычным явлением) и закрепить свой авторитет и власть в новом коллективе.

О причинах создания коммуны читаем в книге Ю. П. Агафонова: «17 ноября 1919 года в деревне Ленской в избу Иосифа Прокопьевича Нелюбина пришли местные большевики, бывшие

³ Очерк В. А. Карпинского с диалогом В. И. Ленина и С. П. Середы по вопросу утверждения устава коммуны «Скнемвар» был опубликован в газете «Правда» от 16 января 1965 г.

партизаны и бойцы Красной армии, а также мужики из Мехонки, Мурзиной, Опокиной. Всех привело сюда только одно желание – изменить старый уклад жизни, начать хозяйствовать сообща. Заседание открыл старейший по возрасту и партийному стажу 44-летний большевик, член РСДРП с 1904 года, местный крестьянин Степан Павлович Свалов. Он говорил о том, что по старинке жить уже невозможно, мужик бедствует, дети голодают. В одиночной работе улучшения жизни не будет, только совместная работа поможет уничтожить бедность. А посему, он предложил создать коммуну. Притихли мужики, призадумались. Понимали все, что дело новое, вопросов много, а еще больше сомнений. Но в конечном итоге за объединение в общую коммуну проголосовали все» [Дружба...].

Данное свидетельство информативно и, на наш взгляд, демонстрирует общие тенденции в Уральском регионе, да и в России в целом. Во-первых, чаще всего инициаторами коммунального движения выступали большевики, сельские жители, оторванные на какое-то время от обычного деревенского уклада жизни (наемные работники, солдаты, партизаны), лица с активной жизненной позицией, а также крестьяне. Из них особо выделялись солдаты, отслужившие в императорской или Красной армиях: они имели огромный авторитет среди крестьян как познавшие армейскую дисциплину и порядок, повидавшие мир. Во-вторых, основными причинами вхождения в сельскохозяйственные коммуны для преобладающей массы участников явились в большей степени экономические, а не политические соображения.

Коммуна действовала на основании устава, который должен был быть первоначально утвержден в местных земельных органах. Из книги Ю. П. Агафонова узнаем: «Через неделю, 24 ноября (1919 г. – О. С.), на общем собрании коммунаров, их было уже 25 человек, Александр Андреевич Мурзин огласил Устав, который состоял из 20 пунктов и заканчивался словами “Дружба, любовь и стремление вперед – вот залог каждого коммунара!”» [Дружба...].

К этому времени уже существовал типовой устав сельскохозяйственной производственной коммуны, разработанный Народным комиссариатом земледелия (Наркомземом), утвержденный

в феврале 1919 г. и состоящий из 37 параграфов. Из этого делаем вывод, что Устав коммуны «Скнемвар», состоявший из 20 пунктов, являлся плодом самостоятельного творчества. Эту догадку подтверждает и фраза, которой завершался правовой документ (хотя образец при его составлении, несомненно, тоже использовался). Самодеятельное творчество тогда было редкостью; уже существовали типографские бланки уставов, в которые «от руки» вносили данные по коммуне (название, местоположение, число и фамилии членов, состав совета коммуны и др.). Это наводит на мысль о высоком уровне самоорганизации при создании коммуны и значительном влиянии (социальном, экономическом) крестьян, фамилии которых были внесены в название. В доказательство последнего утверждения приведем выдержки из доклада в обком РКП(б) Н. Аввакумова (представителя Уралсельхозбюро, направленного в конце октября 1924 г. для анализа ситуации в коммуне «Скнемвар»), который зафиксировал, что причинами раздоров, по словам некоторых коммунаров, явилось «разделение на высших и низших, о том, что, дескать, одни в коммуну внесли больше, – от этого, дескать, зависят и преимущества», а также то, что «родственная связь и групповая обособленность были точкой опоры» [ЦДООСО, оп. 2, д. 148, л. 71 об., 72].

Практика, когда сельскохозяйственные коммуны создавались из близких и дальних родственников, была типична для Урала и Сибири, где коммунальное хозяйство создавалось преимущественно на надельных (крестьянских) землях. По словам В. В. Гришаева, «чтобы создать коммуну, ее инициаторам приходилось вести длительную разъяснительную работу, настойчиво и терпеливо убеждать будущих коммунаров в преимуществах коллективной жизни. И вполне естественно, что эта подготовительная работа, иногда длившаяся несколько месяцев, начиналась с агитации близких родственников» [Гришаев, с. 22].

В жизни любой коммуны возникало много внутренних и внешних трудностей, которые необходимо было оперативно решать. В этой ситуации огромную роль играло материальное положение коммуны и активная деятельность организаторского звена.

Коммуны, создававшиеся на надельных (крестьянских) землях (а именно такие преобладали в Уральском регионе), более всего нуждались в государственной поддержке, так как не имели построек для совместного проживания и обладали в минимальных размерах мертвым и живым инвентарем. Государственная помощь коммунам со стороны Советского правительства официально начала оказываться с июля 1918 г., когда было выделено 10 млн руб. на нужды новых форм коллективных хозяйств (помимо коммун, речь шла об артелях и товариществах по совместной обработке земли). В ноябре 1918 г. для этой цели был создан Миллиардный фонд. У уральских коммун возможность получения выделяемых средств была ограниченной в связи с их более поздней организацией; к тому же с началом нэпа выдача средств из этого фонда постепенно была прекращена. Со слов представителя коммуны «Новый мир» Перевалова (Шадринский округ) в данном регионе «большинство (коммун. – *О. С.*) не воспользовались ни миллиардным фондом, ни помещичьими имениями» [Труды..., с. 117].

Тем не менее, были и другие возможности государственной материальной поддержки: семенные ссуды и пособия, выдача в безвозмездное пользование живого и мертвого инвентаря. С 1922 г. начинает работать довольно разветвленная сеть кредитных учреждений, в том числе с III квартала 1922/23 хоз. г. – Уральский сельскохозяйственный банк (Уралсельхозбанк) [Килин; Мамиконов, с. 35], который стал основным кредитором для коммун региона.

В силу активной жизненной позиции лидеров коммуны «Скнемвар», она максимально использовала все имеющиеся возможности по повышению материального благополучия. Во-первых, коллектив получил значительную прирезку к имеющемуся количеству земли: в 1920 г. у коммуны было 589 дес. земли (из которых 33 дес. – выгон, остальное – пашня) и отдельный сенокосный участок в 23 дес., а в 1921 г. – уже 775 дес., которые все были обработаны своими силами [см.: ЦДООСО, оп. 2, д. 148, л. 35 об.].

В ведение коммуны была передана мельница, на которой в 1924 г. работало 12 рабочих, и кожевня. Коммуной были получены денежные ссуды от Уралсельхозбанка: 3000 руб. и 200 руб. на постройку скотного двора, а также 1000 руб. на приобретение племенного

скота. В 1922–1923 гг. совет коммуны активно лоббировал интересы организации, в результате чего она получила значительные суммы семенных ссуд [ЦДООСО, оп. 2, д. 148, л. 35 об.].

Получение данных материальных ресурсов не гарантировало эффективной деятельности коммуны. Согласно обследованию 1924 г. коммуна «Скнемвар» за 1922 и 1923 гг. имела в задолженности 900 пуд. овса и 13 пуд. люцерны, за 1924 г. – 12 пуд. шведского овса, 279 пуд. 10 фунтов вики, 29 пуд. 27 фунтов люцерны [см.: Там же].

Кроме того, уже с 1922 г. ухудшилась ситуация с обработкой земли – было вспахано всего 589 дес. (в 1921 г. – 775 дес.), в последующие годы и того меньше (в 1923 – 439 дес., в 1924 – 439 дес., из которых под паром находилось 105 дес.). К тому же в 1924 г. 100 дес. пахотной земли было сдано в аренду [см.: Там же].

Данные показатели свидетельствуют о кризисных моментах в коммуне «Скнемвар» после первого же хозяйственного года. Одной из причин этого явления стало влияние изменившейся весной 1921 г. большевистской политики на крестьянские настроения. С данного времени по 1924 г. из коммуны было исключено около 300 человек, что, естественно, ограничило хозяйственные возможности. Как отмечалось в отчете, «громадный недостаток рабочих рук (в коммуне. – *О. С.*), мужчин хватает почти только на заведение разными отраслями хозяйства» [Там же, л. 71 об., 72 об.].

Во-вторых, в феврале 1921 г. в Мехонской волости Шадринского уезда произошли крестьянские волнения (так называемый Ишимский мятеж), в подавлении которых участвовали коммунары-большевики «Скнемвара». Выступления доходили до открытых боевых действий [см.: Шестаков]. Возможно, эта ситуация также повлияла на решение некоторых коммунаров уйти из хозяйства.

В-третьих, деятельность любого предприятия зависит от внутренних механизмов регулирования отношений, а также психологического климата. Что касается коммунального хозяйства, то, как известно, оно должно было действовать на основании устава, определявшего натуральный характер производства (отсутствие товарно-денежных отношений как во внутренних, так и во внешних хозяйственных связях), устройство жизни и быта на коммунальных и коммунистических началах (равенство прав, совместное

проживание, необходимость борьбы с единоличными настроениями и религиозностью, ведения культурно-просветительской работы в клубах, библиотеках, школах и др., а также пропагандистской деятельности с разъяснением местному населению преимуществ коллективных хозяйств с высоким обобществлением труда и капитала.

В реальной жизни положения устава было сложно воплотить с учетом низкой морально-нравственной и идеологической готовности большинства коммунаров к совместной жизни и труду, а также незначительной помощи со стороны государства и местного партийного руководства.

Отчеты партийных работников Б. Рябова и Н. Аввакумова в Екатеринбургский областной комитет РКП(б) со всей очевидностью демонстрируют ситуацию, сложившуюся в коммуне «Скнемвар» в 1924 г. По мнению Н. Аввакумова, она была характерной для всего Шадринского округа: «Положение большинства коммун самое безнадежное. Они превратились в очаг грызни и склоки, судя по этой коммуне («Скнемвар». – *О. С.*), они являются источником антисоветских настроений в деревне» [ЦДООСО, оп. 2, д. 148, л. 69].

Проблем было множество. Межличностные отношения оказывали существенное влияние на хозяйственную жизнь коммуны. Б. Рябов писал в отчете: «Приехав в Мехонский РИК, я попал сразу на заседание райкома, на котором обсуждался вопрос о коммуне “Скнемвар”. Из переговоров я выяснил, что недалеко от Мехонки имеется самая крупная коммуна в округе “Скнемвар”, где ввиду ареста бывшего председателя (Мурзина Александра Андреевича. – *О. С.*) и других членов этой коммуны (еще троих членов совета коммуны, в том числе Анчугова Николая Егоровича. – *О. С.*) создались между отдельными группировками напряженные взаимоотношения, в силу чего приехавший председатель коммуны т. Шарыпов настаивал на исключении целой группы коммунаров». Приехав в коммуну, Б. Рябов выяснил, что «в самой коммуне имеется две группировки, которые ведут между собою борьбу за влияние. Каждая группировка обвиняет другую в неблагоприятных поступках: например, есть случаи, когда члены коммуны – члены РКБ(б)

по три раза женились и разводились, причем старые жены с детьми из коммуны исключались, а новые, также с детьми, зачислялись» [ЦДООСО, оп. 2, д. 148, л. 68, 68 об.].

По последнему отрывку мы можем констатировать, что коммуны в деревне стали центром взаимодействия «старого» и «нового», городской (революционной) и сельской культуры. Гендерные отношения, по мнению самих коммунаров, имели важную роль в устойчивости хозяйства. Там, где был найден компромисс (сохранение семейных ценностей и морали в новых хозяйственных формах) между традиционными (более женскими) и революционными (мужскими) представлениями о коммунальной жизни в деревне, коммуна имела перспективы развития.

Что касается борьбы за влияние, то здесь присутствовало несколько составляющих экономического, организационного и личного порядка. К ноябрю 1924 г., по сведениям Н. Аввакумова, у части членов организации возникло негативное отношение к совету коммуны в силу его действий, которые не соответствовали уставу и традиционным морально-этическим принципам деревни. В докладе отмечено, что «руководителями свыше года тому назад было допущено пьянство и коммерческие увлечения с убыточными результатами» [ЦДООСО, оп. 2, д. 148, л. 71 об.]. Из сказанного можно заключить, что коммунам было сложно вести исключительно натуральное хозяйство, и они так или иначе втягивались в товарно-рыночные отношения (в отчете также зафиксировано, что в коммуне «Скнемвар» работало 19 чел. посторонних рабочих и проводились наймы на сезонные работы) [см.: Там же, л. 72 об.]. Для того чтобы покрыть расходы и существовать хотя бы не в убыток, у коммун чаще всего не хватало оборотных средств. Как писал Перевалов (уже упоминаемый представитель коммуны «Новый мир»), «...мы экономически слабы. Наши коммуны могут крепнуть и существовать только при поддержке Советской власти» [Труды..., с. 118].

Увлечение алкоголем традиционно осуждалось в деревне. Здесь мы наблюдаем, что в уральских условиях (создание коммун на надельных землях, преобладание в составе местного населения над пришлым) коммунары оказалась включенными в поле традиционной общинной культуры труда. При этом коммуна была местом,

где сталкивались культуры города и деревни в их позитивных и негативных проявлениях. Руководители коммуны должны были решать финансовые и идеологические вопросы на уездном и губернском уровнях; они располагали нетрудовыми материальными средствами, полученными от государства и кредитных учреждений в то время, когда представление о кредите и ответственности заемщика еще не сформировалось в крестьянском сознании. Это приводило к тому, что руководство коммуны отрывалось от привычной среды и подчас демонстрировало самые низменные качества человеческой природы.

Отрицательное отношение к руководителям существовало и по той причине, что имело место периодическое исключение из коммуны тех, кто осмеливался сделать замечание или выразить недовольство: «...в неправильности распределения труда, в деле снабжения, индивидуального устройства своих благополучий отдельных групп, разделение на высших и низших» [ЦДООСО, оп. 2, д. 148, л. 68, 68 об.].

Здесь налицо важнейшая проблема в деятельности коммун – соотношение идей равенства и централизма. В ситуации, когда количество активистов коммуны ограничивалось одним-тремя и некоторая часть членов входила в коммуну с целью снятия с себя хозяйственной ответственности («говорят в деревне ему: что же тебя заставляют работать, а он говорит, что я несу определенные обязанности и совершенно спокоен, что мне не придется голодать, что не погонят меня в РИК платить налог, правление с этим рассчитается» [Труды..., с. 44.]), присутствовала некоторая стабильность психологического климата. Но и в этом случае возникала ситуация с морально-нравственным обликом руководства и его административным стилем.

В отношении коммуны «Скнемвар» зафиксированы и такие отзывы о руководстве: «выявилось ненормальное непосредственное вмешательство [коммунальной партийной] ячейки в хозяйстве до пределов включительно, застрачивания наганом совета, коммуны, а в особенности предыдущий (речь идет, видимо, о предыдущем председателе А. А. Мурзине. – О. С.) от массы замыкался, действуя самостоятельно, отчетов не было, а также и плана работ.

Преимущественно делалось на авось, преобладала небрежность, безответственность вообще в хозяйстве, завоеывая симпатию к себе лишь посредством свободного пьянства. Родственная связь и групповая обособленность были точкой опоры, периодически повторяющиеся случаи пьянства возглавляющих лиц коммуны на глазах рядовой массы вообще, а в особенности в сезонное время работ, были в лучшем случае пассивности в работе рядовых скрепя сердце, а в худшем невыход на работу отдельных лиц, обостряя этим против себя других» [ЦДООСО, оп. 2, д. 148, л. 72].

Здесь мы видим неготовность части членов коллективного хозяйства принимать установленные правила по ведению совместной хозяйственной деятельности, что, естественно, вызывало ответную реакцию со стороны политического ядра коммуны. Низкая психологическая устойчивость некоторой его части и, видимо, неразборчивость руководства в средствах воздействия приводили к бурным выяснениям отношений с использованием силовых методов.

Отсутствие плановой и учетной документации было еще одной негативной стороной жизни большинства коммун, что приводило к распылению и нерациональному использованию средств, теневой финансовой деятельности, ограничениям в возможности общественного контроля, большим суммам задолженностей.

Причины ситуации были как внешние (государство не обеспечивало коммуны текущей бланковой документацией, не проводило курсы по счетоводству или бухгалтерскому учету, не контролировало оказание инструкторской помощи со стороны сельскохозяйственных специалистов района), так и внутренние (у коммун чаще всего не было человеческих ресурсов для самостоятельного решения вопроса).

В результате коммуна «Скнемвар» оказалась разделена на противоборствующие группировки. Одна из них не поддержала решения нового совета коммуны. Работники «Уралсельхозбюро» Заразилов и Аввакумов в конце октября 1924 г. выявили, «что группа членов коммуны в числе 21 семейства, имеющих право голоса 42 человека, продолжала упорно вести организационно стачечную работу, доходя вплоть до настроения детей, о нежизненности

коммуны, о недоверии существующему совету, упрекая таковой в якобы односторонней линии и в [со]действиях ареста Мурзина Александра и других...» [ЩДОСО, оп. 2, д. 148, л. 70].

Еще некоторая часть коммунаров (33 чел.) выступила за возвращение исключенных членов совета, а также за освобождение их от наказания [см.: Там же, л. 70 об.] и выделение им части имущества. В итоге, «заручившись постановлением ячейки о введении нас (т. е. проверяющих Заразилова и Н. Аввакумова. – О. С.) в состав совета, выделили исключенным (4 человека) по 1 лошади, 1 корове, 1 овце, 1 свинье, по комплекту упряжи и по 50 пудов хлеба – сверх следуемого по § 17, 18 Устава коммуны (речь идет о личном имуществе. – О. С.). Но ввиду сверхнормальной задолженности таковых коммуны, а также растраты двух из них Мурзина Александра и Анчугова, из предназначенного продовольствия [приняли решение] удержать задолженность, а из живого инвентаря – растрату» [Там же, л. 70].

Ситуация в «Скнемваре» закончилась тем, что 13 семейств были исключены из коммуны (3 семействам, как и вышеуказанным, было выделено по одной лошади и корове, комплекту упряжи, без земельной доли) по причине того, что, помимо борьбы с пьянством, которую они организовали, у них сформировалось мнение «выхода на индивидуальность, а частью о превращении коммуны на кооперативный устав, а в общем ее раздела» [Там же].

Вслед за этими еще 8 семейств (27 чел.) приняли решение добровольно выйти из коммуны [см.: Там же, л. 72 об.]. По мнению Н. Аввакумова, «из числа выходящих некоторые идут слепо, поддавшись инициаторам, а частью под флагом артели на индивидуальность, боясь действительно периодических исключений по бывшему примеру и, нужно полагать, что некоторые вернуться обратно, когда убедятся в неосуществлении намеченного, что по объявлении исключения и размера наделения были видны некоторые колебания» [Там же, л. 73].

В отношении процедуры исключения и выхода из коммуны необходимо зафиксировать важные факты, присущие этому хозяйству. Прежде всего, это выделение материальных ресурсов (помимо личного имущества, выдача которого при выходе из коммуны

традиционно фиксировалась в уставе), что роднит ее с сельскохозяйственной артелью. Скорее всего, это было вызвано вхождением в состав коммуны большой доли крестьян-средняков, которые внесли в общий капитал собственные ресурсы и которые либо входили ранее в одно сельское общество, либо являлись жителями соседних обществ. Первое предположение подтверждается значительным количеством живого инвентаря у коммуны (при том, что, как указывалось выше, средства на приобретение племенного скота были выделены незначительные): в августе 1924 г. в активе коммуны числилось 43 лошади, из них 10 племенных, 46 дойных коров, 3 стельных коровы, 3 нетели, 41 теленок, 6 быков, 94 овцы, 83 ягненка, 5 баранов, 10 свиноматок, 2 свињи-производителя и 89 поросят [ЦДООСО, оп. 2, д. 148, л. 35 об.].

Второй наш тезис основан на том, что в коммунах, созданных на бывших помещичьих, монастырских или казенных землях с участием преимущественно крестьян-бедняков, в уставах изначально содержалось положение о невозможности наделения живым и мертвым инвентарем в случае выхода из коммуны. Практика наделения материальными ресурсами (кроме земли) при выходе из коммуны присутствовала только в «надельных» коммунах, образованных из местных крестьян, и, видимо, была связана с социальным и экономическим статусом выходящего.

Всем выходящим из «Скнемвара» не предоставлялось земли. Они попытались протестовать против этого, в том числе и через «некоторые упорства по отношению освобождения квартир» [Там же]. Но под давлением районных и областных властей, обеспокоенных перспективой окончательного развала коммуны, выходящим из коммуны пришлось смириться с таким решением.

Таким образом, после рассмотрения некоторых эпизодов истории уральской коммуны «Скнемвар» следует констатировать, что основные мотивы ее создания были экономические, а не идеологические. Незначительное участие государства в сопроводительной деятельности коммуны (делопроизводственной, инструкторской, финансовой и идеологической) не позволило избежать трудностей становления и развития. Коммунальные и коммунистические принципы жизни, декларируемые в уставе коммуны, были слабо приме-

нимы в реальной жизни и вызвали противоречивые последствия, которые негативно влияли на хозяйственную жизнь и межличностные отношения.

Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России, 1917–1929. М., 1976.

«Дружба, любовь и стремление вперед – вот залог каждого коммунара!» // Сельская новь : общ.-полит. газ. Шатровского района Курганской области. 2014. 13 нояб. № 68 (10426). С. 11: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.selnow45.ru/news/druzhiba_ljubov_i_stremlenie_vpered_vot_zalog_kazhdogo_kommunara/2014-11-14-617 (дата обращения: 27.12.2016).

Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 369–391.

Мамиконов А. Л. Кредит на Урале в 1925–1926 гг. // Весь промышленный и торговый Урал. 1927. С. 35.

Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 118–147.

РГАЭ. Ф. 478 (Народный комиссариат земледелия РСФСР). Оп. 4.

Труды Первого Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей и ТОЗов). 26 февраля – 6 марта 1925 г. М., 1925.

ЦДООСО. Ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС (1917–1999)). Оп. 2. Д. 148.

Шестаков В. П. Февраль 1921 г. Хроника восстания в Шадринском уезде // Усть-Миасс. Курганская область. Каргапольский район: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://ust-miass.ru/index.php/istoriya-sela/xx-vek/213-vosstanie-v-fevrale-1921g-v-shadrinskom-uezde-khronologiya-sobytij> (дата обращения: 27.12.2016).